

Галина Педаховская

На берегу прошлого*

Нина, что нечасто с ней случалось, малодушно, как она считала, надеялась, чтобы он, если уж ему это суждено, умер в ее отсутствие. Но все произошло иначе: когда разорвалась его вконец истончившаяся аорта, она была в соседней комнате. Вбежав в палату, Нина увидела, как в такт ударам еще бившегося сердца из его рта выхлестывает кровь. Сестры ненужно суетились с полотенцами. Он был еще в сознании, его взгляд сосредоточился на ней. Она взяла его за руку и, глядя в глаза, сказала:

– Все будет хорошо, кровотечение сейчас прекратится, и вам сразу станет легче, – и тут его жизнь оборвалась.

И сейчас, медленно возвращаясь домой, она мучилась мыслью, успел ли он осознать всю двусмысленность ее лживо-утешительных слов.

Дверь ей открыла Домна Ульяновна:

– Что это вы припозднились, Нина Александровна, и усталая с виду?

– Ничего, работы сегодня много было. Андрюша еще не пришел? Как там Игореша? – и присела на диван – усталость навалилась мгновенно и сокрушительно.

Но Игорь уже прибежал из своей комнаты и показывал ей части полочки, которую он выпиливал лобзиком для своих школьных мелочей, рассказывал, как он провел день в пионерском форпосте, что был в их же доме на первом этаже. А она уже уплывала в сон, в бессознание, не в силах справиться

* Окончание. Начало в кн. 73.

с мыслью о том, что и с ее сыном, таким нежным, белокурым, с огромными голубыми глазами, может случиться что-то страшное, непоправимое.

Домна подошла с пледом:

– Ложитесь, Нина Александровна, что-то вы сегодня совсем плохая. Отдохните. Игоря я накормлю ужином и спать уложу. Отдыхайте...

– Разбудите меня, Домна Ульяновна, когда Андрюша придет.

Нина прикрыла глаза, только и успев подумать: «Что бы я без Домны делала?». Она появилась в их доме около двух лет тому назад. Однажды утром, только Нина пришла в отделение, ее вызвал Александр Дмитриевич. Он был слегка смущен и явно не знал, как начать разговор.

– Нина Александровна, голубушка, только что позвонили из облздравотдела и просили помочь. В Николаевке, помню, вы туда как-то ездили на консультацию, врач заболел, а он там в одном лице – и бог, и царь. Все больные на руках фельдшерицы остались. Я знаю, что кроме работы у вас семья, но...

Понимая, что ехать придется, Нина все же спросила:

– А почему наша больница?

– У нас полный комплект врачей, все-таки мы – ведомственная. А у других далеко не так благополучно. А вы там уже бывали, не могу же я послать кого-то неопытного, – даже рассердился он. – Уходите, уходите сразу же домой, соберитесь, завтра утром за вами заедет машина.

Нина забежала к Аннетте, своей троюродной сестре, а может, и не сестре, но за давностью отношений принято было считать ее родственницей, и попросила присмотреть за Игорем. Аннетта слегка взбила кудряшки, скосила глаза на свое изображение в зеркале и расправила рюш на блузке. Нине, как всегда, когда она общалась с Аннеттой, показалось, что в комнате есть еще кто-то третий, для которого и разыгрывается этот спектакль. Наконец Аннетта робко спросила:

– А я с ним справлюсь, если он будет шалить?

– Справишься, справишься, дорогая, он не опасен, – уже с порога, смеясь, сказала Нина. – Спасибо, Аннетта, ты – моя палочка-выручалочка.

* * *

Больница в Николаевке была основана еще до революции земством, и почти с тех же времен работала в ней старшей фельдшерницей Мария Гавриловна, фактически управляла ею, и справлялась с этой работой неплохо. К счастью, как увидела Нина, тяжелых больных в больнице не было – ушибы, переломы, нарывы. Как показывала врачебная практика, в период уборки урожая болезни от народа на время отступают. Единственным тяжелым был врач, который в разгар лета умудрился подхватить воспаление легких. Боясь осложнений, Нина отправила его в областную больницу, и для них с Марией Гавриловной наступили тихие дни. Каждый вечер Нина звонила домой – узнавала, все ли в порядке. Еще один день прошел спокойно.

Однажды вечером, когда они с Марией Гавриловной сидели на лавочке во дворе, та спросила Нину:

– Что это вы каждый день звоните? Мужа проверяете?

– Что вы, об этом и речи нет. Сыну всего-то восемь лет, вот забота.

– А с кем он, когда отец на работе? С бабушкой?

– Нет, бабушек на хозяйстве не имеем. Дальняя моя родственница присматривает. Но она, понимаете ли, старая дева и боится мальчишек, ей кажется, что способны они только на всякие пакости.

– А что ваш способен?

– Нет, он вполне вразумительный и умеет себя занять.

Мария Гавриловна помолчала, а потом удивила Нину признанием:

– А знаете ли, я – тоже старая дева, но как-то давно уже об этом и позабыла.

Нина глянула на Марию Гавриловну – еще не старую женщину, слегка за сорок, и почувствовала себя неловко:

– Простите мою бестактность. Моя родственница так удивительно не приспособлена к жизни, чего вовсе не скажешь о вас.

– Да бросьте, работа приучила. Тоже была трепетным созданием, готовым отдать все силы людям. Чернышевского и Герцена в гимназии читала, обретала идеалы. И, конечно, приехав сюда, сразу же влюбилась во врача здешнего. Благо хороший человек был, и не женат, и добр, и красив, или сегодня мне кажется, что красив.

Так мы вместе с ним и работали, книги читали – и медицинские, и классику – все совершенствовались. Самая большая интимность, до которой дошли, – совместные чаепития и прогулки по полям, когда было на кого на часок-другой больницу оставить. Мечтали: кончится война, поженимся и всю жизнь проведем в Николаевке, где каждого знаем, да и к нам относились как к родным.

Мария Гавриловна снова помолчала.

– А потом началось: революция, гражданская, народ одичал... Да что я вам рассказываю – сами знаете. Каждый день удивлялись, что его прожили. Увели его с собой денкинец, какой-то их отряд здесь квартировал, врача у них не было. А мне везут и везут раненых – белых, красных и других, всех цветов тогдашней радуги. Я объясняю, что одна, врача нет, оперировать не могу. А мне кричат: «Бери, у нас все одно помрут». Но и у меня много умерло. А Анатолий мой тоже где-то погиб, не знаю даже, где. Его товарищ письмо мне прислал, долго шло, месяца три. Так и осталась я здесь идеалы наши беречь. Какой уже год и живу тут, при больнице, да и нет у меня нигде никого. Да вы же сами знаете, – и она указала на маленький домик в углу больничного двора в тени двух вишневых деревьев, кусты мальв и левкои ограждали малюсенький палисадник величиной в две простыни.

Через несколько дней Мария Гавриловна пришла в кабинет к Нине.

– Я тут подумала... Тяжело вам справляться с работой. А я вижу, вы из тех, что в больнице пропадают. И ребенок, и хозяйство у вас. Вам помощница нужна. Хочу вам предложить. Да вы ее видели не раз, каждый день проходит мимо, высокая, худая, в белой косынке. Это она на кладбище ходит. Муж у нее пропал давно, в году двадцать первом – двадцать втором. Двоих детей, девочку и мальчика, одна растила. Как говорили в старину, в любви и строгости, и дети хорошие были, учились, ей помогали. В голод в тридцать первом совсем слабые стали, а тут и scarлатина подоспела, умерли оба. Я с ней поговорю. Если согласится, возьмите ее к себе, человек она честный и преданный, а без семьи она, чувствую, пропадет.

Домна пришла на следующий день. Была она прямая и, как говорят на Украине о таких худых, сухоребра. Она внимательно

посмотрела на Нину светло-серыми заплаканными глазами, оценивая ее какими-то своими мерками, и неожиданно тихим шелестящим голосом сказала:

– Я пойду к вам работать, только отпускайте меня каждый год проведать могилки детей.

И такая глубокая печаль прозвучала в этой просьбе, что у Нины перехватило дыхание, и она только и могла сказать:

– Конечно, конечно, всегда, когда вы захотите...

Так Домна оказалась у них в доме, и Нина смогла перевести дыхание. Оказалось, что работала Домна еще до революции у состоятельных людей, была хорошо воспитана, хозяйство вести умела, чудесно накрывала праздничный стол. А главное, Домна любила их, слегка безалаберных, всегда спешащих, занятых работой. Нина с благодарностью вспоминала Марию Гавриловну, так удачно решившую многие проблемы их семьи, и всегда слала ей поздравительные письма на Рождество и Пасху.

* * *

Нина проснулась внезапно, будто ее позвали, с гнетущим ощущением несчастья.

– Который уже час? – спросила у Домны, которая шила у настольной лампы.

– Скоро одиннадцать. Игорь давно спит.

– Андрей еще не вернулся?

– Нет. Поглядите на улицу, что творится.

Нина вышла на балкон. Ветер гнул деревья, не давая им выпрямиться. Воздух обрел плотность, и его тяжело было вдохнуть. Из кинотеатра, что наискосок от их дома, вышли с последнего сеанса люди, доносились веселые и испуганные крики. В такую ночь Андрей, начальник производства на судостроительном заводе, домой не вернется, так уж бывало, это нормально.

Андрей же, получив от портовой службы слежения за погодой штормовое предупреждение, прежде всего объявил по селекторной связи, что вторая смена остается на заводе на ночь, и вызвал к себе инженеров и техников. Дав указание остановить все работающие снаружи механизмы и обесточить их, особенно проверить тормозные колодки у кранов, а людей занять работой

в цехах, чтобы не ходили по открытому пространству, во избежание несчастных случаев, он отчасти успокоился: кажется, все предусмотрел – теперь нужно только пережить эту ночь. А сам, надев прорезиненный плащ с капюшоном, вышел на заводской двор. В воздухе носились клубы соленой водяной пыли, в мгновение лицо стало мокрым, хотя дождя еще не было. Чудовищной высоты волны перехлестывали через брейкватер, вся бухта кипела. На внешний мол Андрей идти не решился – ветер мог снести в воду, а волны слева – северный ветер, самый сильный и опасный, машинально отметил Андрей, – ударяли ритмично и гулко в мол, обдавая его пенистыми каскадами.

Андрей знал на заводе каждый цех, отдел, закоулок. Двадцать лет тому назад пришел он, студент Киевского политехнического института, сюда. Он не подлежал мобилизации в армию как единственный сын престарелых родителей, но обязан был работать на военном предприятии. Из Киева он вернулся в Одессу и на этом заводе три года простоял у токарного станка, вытачивая корпус снарядов.

Мастер-наставник Иван Степанович Шмыгора, который и сейчас работал здесь в том же качестве, с некоторой долей издевки произнес, глядя на его ухоженные руки:

– Господину студенту, наверное, надо объяснить от самых аздов, как подходить к станку, чтобы не покалечиться.

Андрей разозлился: он уже не раз сталкивался в рабочей среде с таким пренебрежительным отношением к интеллигентным людям или к тем, которых рабочие относили к таковым, – снобизмом наоборот.

– Во-первых, зовите меня Андреем, во-вторых, у меня за плечами ремесленное училище, и я знаю, как выглядит станок, а в-третьих, у меня отец – маляр. Надеюсь, я успокоил вашу пролетарскую совесть?

Тут Андрей слегка лукавил: его отец Петр Лукич в самом деле был маляром, но не без способностей и с умелыми руками. За участие в реставрации Спасо-Преображенского собора он был удостоен звания лично-почетного гражданина, что передавалось его потомкам и приравнивалось к дворянскому. Скучного положения семьи звание не изменило, но оно-то и дало возможность Андрею

поступить и в коммерческое училище, а потом и в Киевский политехнический институт, легко преодолевая сословные барьеры, а учиться он умел: высший балл – иного он не получал.

– Прости, сынок, дурацкое недоверие к людям, опыт битого-перебитого и не раз обманутого, – сказал Шмыгора и подергал себя за длинные казацкие усы, которые, дополняя его фамилию, должны были указывать на его старинное украинское происхождение..

Работа вошла в свою колею. А жизнь все более и более выходила за привычные рамки. Раненые, искалеченные стекались в Одессу, их привозили санитарные поезда. Больницы были переполнены, монастыри переобрудованы под госпитали, гимназистки, курсистки и женщины, как принято говорить, из общества ухаживали за ранеными. Пропал без вести на фронте брат Нины – подруги, нет, любимой девушки Андрея. Впрочем, о том, что она любима, Нина и не знала – время было не подходящим для объяснений.

Бездетный Иван Степанович привязался к Андрею. Жил он со своей уютной Натальей Еремеевной в том же рабочем районе – Молдаванке, что и Андрей, но на улице Внешней – первой от центральной части города. Андрей же жил внизу Молдаванки, на Раскидайловской, что круто спускалась к улице Балковской, которая, собственно, была границей города – за ней уже простиралась Слободка и Мельницы. По ней проходила открытая сточная канава, уходящая к полям орошения, где она и терялась в лиманах.

Андрей с удивлением узнал, что Иван Степанович – старый член РСДРП. Правда, его собственная программа существенно отличалась от задач партии, которые провозглашались на заводских сходках, в листовках, что доводилось иногда Андрею читать.

– Равенство для всех, – торжественно басил он, – без бедных, без богатых... Справедливость, милосердие... Но с тем, что войну надо прекратить и пойти на мир с немцами, я не согласен...

– Молчи уж, вояка, – приговаривала Наталья Еремеевна. – Вы, Андрюшенька, ешьте пирожки и не слушайте его: никогда не было и не будет в мире, чтобы все равные были.

Андрей про себя окрестил Ивана Степановича патриархальным большевиком из разряда честных идеалистов. «Если бы все были такими», – сокрушался Андрей, вспоминая теракты, бомбистов и экспроприаторов.

Андрей был честолюбив, знал за собой это, но не считал грехом: ему не нравилась предопределенность жизни: сын кучера рожден быть кучером, а он, сын маляра, не хотел быть маляром. Помогая отцу ремонтировать квартиры состоятельных людей, он еще подростком увидел, что часть людей, пусть малая часть, живет совсем иначе – книги, картины, фортепиано в просторных комнатах. Но главное – их речь была другой, вежливой, тихой и правильной, так разительно отличающейся от смешанного крикливого говора молдаванских дворов. «Что отличает этих людей от тех, среди которых он жил?» – спросил себя Андрей. И ответил: знание и воспитание. Так он открыл для себя путь изменить свою жизнь. Это знание и внешность он приобретал долгие годы. Учась в коммерческом училище, он понял, что сын богатых родителей может быть расхлябанным и даже неопрятным. Он же носил форменный сюртук из дорогого английского сукна, стригся у хорошего парикмахера, а как зарабатывал деньги для этого – иная уже история: после уроков работал рассыльным, курьером, помощником приказчика в обувном магазине. Андрей, как говорят англичане, делал себя: занимался спортом – футболом и плаванием, обрел спортивный облик. А потом знания и внешность уже работали на него – появилось репетиторство.

Андрей шел против ветра, наклонив голову, в сторону дока. И сразу понял, что просто переждать штормовую ночь им не придется. Танкер «Красный коммунар» стоял в сухом доке. Основные ремонтные работы уже были окончены, оставалась доделка всяких мелочей. Гигантские волны раскачивали огромную конструкцию дока и танкера, которые двигались вразнобой, танкер бился об стенки дока, круша уже кое-где переходные мостки и трапы, а вместе они ударялись о пирс. Андрей с ужасом понял, что участь их решена – утонут оба и разрушат пирс. Это была самая трагическая ситуация, которая могла возникнуть, и она возникла. Можно ли еще что-нибудь сделать? «Думай, думай», – приказал он себе и побежал в сторону здания управления.

– Всем инженерам и мастерам, не теряя ни минуты, быть у дока, – объявил он по радиосвязи. – Немедленно, – добавил еще раз.

Позвонил по телефону директору завода, но трубку никто не поднял. «Мог бы и сам догадаться, где ему нужно быть в такую ночь, – зло подумал Андрей. – Да черт с ним, сам разберусь».

Все собрались у дока, и всем было ясно, что катастрофа неминуема, если что-нибудь немедленно не предпринять.

– Это катастрофа, – сказал кто-то.

И Андрей понял: надо преодолеть панику перед принятием радикального решения, страх перед ответственностью, которую берет на себя, перед всеми возможными последствиями для него самого. Но об этом потом... Преодолевая грохот волн и вой ветра, он прокричал, подавляя последний приступ страха:

– По моему мнению, у нас единственный выход – затопить док... Есть другие соображения? – все потрясенно молчали. – Нет? Значит, так: авральную судовую команду на танкер, рабочих в док, вызвать буксиры...

После этого времени на сомнения не осталось. Команда поднялась на судно, рабочие дока были готовы в последний момент снять все крепления, два буксира закрепили свои тросы на танкере. Андрей еще раз заставил себя думать только о деле, о том, что его решение было единственно правильным с инженерной точки зрения.

– Открыть кингстоны! – крикнул он в мегафон.

Через несколько минут рабочие быстро стали снимать последние крепления и выбираться по лестницам наверх, буксиры натянули тросы. Док тонул. Под танкером появился тонкий слой воды, он быстро уплотнялся, и танкер скользнул в воду гавани. Буксиры потащили его в дальний угол бухты, с подветренной стороны, где практически никакой шторм не мог вызвать большого волнения.

– Слава богу! – сказал стоящий рядом старый коммунист Иван Степанович. – Все живы, а сколько раз сердце останавливалось – могло ребят затереть между бортами. До конца дней мучиться бы виною...

– Да, все обошлось, – сказал Андрей. – Да и ночь уже прошла, – и он посмотрел в кипящую круговерть воды, где полчаса тому назад стоял еще док, посмотрел, как в свежую разверстную могилу, и пошел к себе в кабинет – ждать гостей.

Они и явились около семи часов. Дверь отлетела к стене, будто ее толкнули ногой. «Так и должно быть», – успел подумать Андрей, когда трое энкавэdistов вошли в комнату.

– Встать! – заорал, как видно, старший.

У Андрея в запасе был час до их прихода, и он попытался выработать линию поведения, не отдать им инициативу в руки. Продолжая сидеть за письменным столом, он тихо сказал:

– Присаживайтесь, пожалуйста...

– Издеваешься, вредитель, саботажник. А ну-ка, расскажи: по чьему приказу док затопил?

– По соображениям технической целесообразности, спасая государственное имущество. Если вы перестанете кричать, то я попытаюсь объяснить вам ситуацию.

Главный сел в кресло у письменного стола, а два его помощника расположились на диване. Полные нескрываемой ненависти глаза уставились на Андрея.

«А процессы над специалистами, как их называли в газетах, уже прошли, навык гады уже обрели, – подумал Андрей. – С каким бы удовольствием он пристрелил меня на месте... И за что он ненавидит меня с такой остервенелостью? За знания, которых у него нет, за то, что я занимаюсь делом, а он умеет только убивать?»

– Рассказывайте, – неожиданно перешел на «вы» главный, – кто возглавляет банду вредителей на заводе – вы или кто другой, может, директор?

– Никакой банды, – устало начал Андрей. – Был сильный шторм, очень сильный, да сами видите – он и сейчас еще не утих, а верфь у нас и вся рабочая площадка расположены не совсем правильно по отношению к господствующим ветрам, постройка старая, еще дореволюционная, все хлопочем о модернизации, а шторм не ждал, выхода другого и не было.

– А кто отдал приказ?

– Я, единолично, – по слогам произнес Андрей и глубоко вздохнул, как в последний раз.

Энкавэдист помолчал, сделал знак своим помощникам выйти и, глядя в глаза Андрею, с нажимом спросил:

– Личное оружие имеется?

– Револьвер, вот, – и Андрей выдвинул ящик стола, подумав, что тот хочет отобрать его.

– Я сейчас уйду, а вам я советую, настойчиво советую, достать револьвер и использовать его по назначению.

Ситуация предельно прояснилась: полномочия энкавэдиста были ограничены, а ему очень хотелось открыть заговор и тут же таким простым способом закрыть его.

– Я не доставлю вам удовольствия и не застрелюсь, а буду завтра поднимать док, у меня есть, – делая ударение на последнем слове, – настоящая работа, в отличие от вас, – не удержался Андрей.

– Подумайте еще раз, все равно ничего другого вас не ждет – так зачем тянуть? – и ушел.

Ключ щелкнул в двери, и Андрей понял, что заперт в своем кабинете, и что ему удалось перетерпеть свой страх – усталость не оставляла места эмоциональным всплескам. Он задремал или просто выпал из реальности.

Очнулся от голосов за дверью:

– Что вы себя позволяете? – кричал Петр Николаевич, директор завода. – Я что, по-вашему, не могу зайти к своему инженеру и задать те вопросы, которые считаю нужными?

Ключ снова повернулся, и разгоряченный до предела Петр вскочил в кабинет:

– Ты что себе позволил? – вскипел он. – Тьфу, что это я говорю, прости меня, Андрюша. Другого выхода не было? А что теперь делать?

– По протоколу: звони в наркомат и собери экспертную комиссию. Да, пригласи, пожалуйста, профессора Лаптева.

– Он твой личный знакомый, – снова завелся Петр, – ты надеешься, что...

– Да очнись и прекрати. Я слушал его лекции – вот и все знакомство. Он – один из лучших, а может быть, и лучший специалист по судоремонту. Любой его вывод будет верным. Если он скажет, что был другой выход из положения, я пойму, что любое наказание для меня будет справедливым.

* * *

Утром, как всегда, Нина уехала в больницу. Ясно, что Андрей остался на заводе до вечера. Когда же вечером она поднималась по лестнице, то увидела в открытых дверях Домну – значит, она с балкона высматривала ее. Сердце заколотилось, и она бегом поднялась вверх.

В гостинной сидела Наталья Еремеевна, и Нина, обмирая, опустилась на стул:

– Андрюша... Что с ним ? Он... жив?

– Бог с вами, – перекрестила ее Наталья. – Только на заводе, – она замялась, – авария. Ну и разбираются, что произошло. Он под стражей у себя в кабинете. Но не волнуйтесь: Иван Степанович говорит, что правильно он все делал, и рабочие за него... С ним все в порядке, наша Нюрка, племянница, что буфетчицей на заводе, три раза в день ему еду носит...

– Три раза – это хорошо, – пробормотала Нина, явно не соображая, о чем говорит. – Наталья Еремеевна, вы меня не обманываете? Он правда на заводе, в НКВД его не забрали?

– Правда, правда, очнитесь, Ниночка, – запричитала та, а Домна уже насильно втиснула ей в руку рюмку с валерианкой. – Ждите, Ниночка, все образуется...

– Надеюсь, – Нина обрела внезапно ясность ума, – не так, как для тысяч, с которыми уже разобрались...

* * *

Все дальнейшее как-то шло мимо Андрея. На другой же день на заводе уже работала комиссия, как нашептала Нюрка, которая принесла ему обед, расспрашивали инженеров и рабочих о событиях той ночи. Приходили и к нему за объяснениями. Он изложил свою версию, ход своих размышлений, обосновал действия с теоретической и практической сторон и снова остался один.

На четвертый день двери распахнулись, и очередной энкавэдист приказал ему выходить. «Неужели в тюрьму?» – с тоской подумал Андрей. Но тот провел его в зал заседаний, где были директор, все его заместители, члены комиссии и еще множество людей, которых он не знал, – наверное, из Наркомата морского флота и городских партийных структур. Он чувствовал, что его рассматривают по-разному – с удивлением, любопытством, недоумением и, как ему показалось, некоторые даже с долей восхищения.

Профессор Лаптев взял в руки папку и стал зачитывать решение комиссии. Сначала описывалась возникшая ситуация, отвергался ряд вариантов выхода из нее из-за невозможности осуществления по объективным причинам, подсчитывался

возможный материальный урон и фактический и многое, многое другое... И, наконец, вывод, ошеломивший Андрея, и, как видно, не его одного: «Признать действия Андрея Петровича Кирьянова правильными в сложившейся ситуации и выразить благодарность за проявленную инициативу», – и еще что-то, чего Андрей уже не слушал. Его поздравляли, пожимали руку, спрашивали, когда он начнет работы по подъему дока. А он нашел в себе силы только подойти и поблагодарить профессора Лаптева за столь благоприятный отзыв о его работе, а потом шепнуть директору:

– Петя, машину дай, устал я, домой хочу...

Нина бросилась ему на шею:

– Потом, ничего не рассказывай, все потом... Ты дома, ты с нами, и это главное...

Неулыбчивая Домна тихо подошла, погладила по плечу, прошелестела:

– Добро пожаловать домой, Андрей Петрович.

Он успел поцеловать Игора и потерял сознание. Нина и Домна перенесли его в постель, температура была выше тридцати девяти. Александр Дмитриевич осмотрел его, прослушал легкие, посидел, разглядывая Андрея, как редкий экземпляр. А потом с усмешкой сказал:

– Эх, Нина Александровна, проняла его советская власть. Небось в романах и учебниках читали о нервной горячке. Вот перед вами пример – впечатлительный, как институтка в пору неудачного романа.

– Александр Дмитриевич, так не бывает, – пролепетала Нина, – должна быть объективная причина для такого состояния.

– А то, что с ним сделали, по-вашему, не причина?.. А вы, как все врачи, беспомощны, когда заболевают родные. Принимайтесь за дело: покой, обильное питье с лимоном, аспирин, сейчас холодный компресс на голову. Очнется, мужик здоровый. Завтра зайду... Гляньте в зеркало, приведите себя в порядок – будьте красивой, когда он придет в себя, натерпелся же...

Через четыре дня Андрей, слабый, как весенняя муха, встал на ноги. Позвонил на завод, там уже без него приступили к подъему дока. И это подкосило его тоже: где-то в нем гнездилась мысль,

что он должен был сам завершить это дело, а оказалось, что и без него справились. Мавр сделал свое дело...

Звонок в дверь прервал его самокопания, и в гостиную вошел Владимир Владимирович, легендарный профессор Лаптев, автор учебника, по которому учились все судостроители страны, – результат его наблюдений за работой самых известных в мире верфей и собственных оригинальных расчетов. Сбросив привычным движением, не оглядываясь, на руки Домне макинтош, он присел на стул, блестя выбритой головой, и сказал, не теряя времени:

– Я пришел, Андрей Петрович, предложить вам должность доцента на моей кафедре.

Андрей был ошарашен:

– Но у меня нет ученой степени...

– Не проблема. С вашим опытом вы в два счета напишете диссертацию. Не раздумывайте: на заводе найдется, при всем хорошем отношении к вам, в чем я убедился, достаточно недоброжелателей, которые не простят вам, что вы вышли сухим из воды, простите за каламбур дурного тона. Вы знаете, отчего вас не пристрелили?

– Конечно, номенклатура...

– Вот-вот, кухаркины дети у власти берегут нас от самоуправства местных дуболомов. А то дай им волю – и управлять производством, и учить молодых будет некому. Когда еще вырастят своих, если вырастят, а сейчас пользуются, как они там говорят, отрыжкой прошлого.

И вдруг к Андрею пришла легкость решения. Какой-то долгий этап его жизни закончился, надо идти дальше, как там – отряхнув если не прах с ног, то груз лет: сорок четыре – еще не старость.

А через два года диссертация была готова, и... родилась Натка.

* * *

Еще слегка позванивали стекла в рамах, поскрипывали половицы, а дом изредка вздыхал, как усталый воин, выстоявший в упорной битве, но ураган к рассвету, растеряв свои силы, стих. Нина чувствовала, как постепенно исчезает напор напряжения снаружи, и тает тугий узел тревоги у нее внутри. Она успела подумать, здесь ли окончились эти конвульсии природы, или

буря переместилась, нет, переместилась – не то слово, улетела, умчалась дальше, и с той же неистовой силой крушит все вокруг, и провалилась в сон.

Утро было безветренным. Блики солнца скользили по лужам, преломлялись в каплях дождя на еще не высохшей листве. Лишь лежащие на земле и полублобманые, свисающие с деревьев ветки, да мерный гул волн, доносившийся снизу, напоминали об этой ураганной фантастической ночи, когда в душе смешивались страх и ликование, ощущение возможности выйти за рамки привычного бытия.

– А работы, работы-то сколько сегодня! – сказал Андрей, с веранды оглядывая полуопустошенный сад. – Игорь, неси стремянку, прежде всего, посмотрим, что там с крышей... Остальное подождет.

– Андрюша, а я поеду в город, посмотрю, что с нашей квартирой, целы ли стекла, ну, в общем... Все ли в порядке.

– Да ты просто хочешь убежать от работы. Смотри, сколько ее здесь... Езжай, езжай, это я так, для остротки, – махнул рукой Андрей, – без тебя справимся.

Нина быстро собралась, передела Натку и уже шла к калитке, когда за ней с криком побежала Таня:

– Нина Александровна! Что делать? Смотрите – все с деревьев побивало.

И вправду: земля в саду была усеяна всем, что в нем росло.

– Вари компот! – смеясь, крикнула в ответ Нина.

– Да здесь так много!..

– Вари – ведро!

– Ой, слишком много!

– Вари два ведра!.. Отдай соседям, – и Нина, махнув рукой, вышла за калитку. «Эх, была бы с нами Домна... При ней все домашние проблемы как-то растворялись сами собой», – подумала Нина.

* * *

Однажды утром прошлой весной, когда Игорь уже убежал в школу, а Нина, поцеловав Андрея, закрыла за ним дверь и поспешно, как и всегда, собиралась на работу, раздался звонок. В дверях стоял милиционер. Нина узнала его сразу: это был

постовой, что стоял в стеклянном «стакане» на углу улиц Красной Армии и Чичерина, или, как по старинке называла их Нина, на углу Преображенской и Успенской.

– Там, на улице, ваша бабушка упала... – сказал милиционер.

– У нас нет бабушки, – удивилась Нина.

Милиционер посуловел:

– Это квартира первая? Вы Кириановы?

– Стойте... – «Это он о Домне», – пронеслось в голове. – Я вас поняла... Подождите минуту, я сейчас...

Она позвонила подруге-соседке Беляне:

– Спускайся, побудь с Наткой. В халате? Спускайся в халате...

Через минуту Нина с милиционером бежали к Преображенской, где еще издали она увидела толпу и вплотную к толпе стоящий трамвай. Нина, упрасывая, а иногда и отталкивая людей, пробралась к Домне. Та лежала поперек трамвайных рельсов, едва заметная улыбка промелькнула на ее лице, когда она увидела Нину.

– Домна Ульяновна, вы ушиблись? Что вы чувствуете? Где болит? Подняться сможете?

– Ничего не болит... Я не могу пошевелиться, ног как нет... – прошептала Домна.

Нина с ужасом поняла, что у Домны, как видно, поврежден позвоночник. А вокруг раздавались крики:

– Давайте отнесем ее на тротуар! Трамвай из-за нее стоит, на работу опаздываем!

– Ее нельзя трогать! Это опасно! Я врач... Кто-нибудь вызвал «скорую помощь»? – закричала Нина.

Оказалось, что «скорую помощь» уже вызвали, минут через десять она приехала. Врач бегло осмотрел Домну и повернулся к Нине, которая держала ее за руку:

– Вы родственница?

– Да, – без колебаний ответила Нина. – Говорите, как есть... Я врач.

– Коллега, здесь, без сомнения, травма позвоночника, и, как видно, тяжелая. Осторожно! – крикнул он фельдшеру и санитару. – Кладите на носилки как можно осторожнее...

– Куда повезете? – спросила Нина.

– На Слободку, в травматологию...

Нина снова взяла Домну за руку:

– Домна Ульяновна, я скоро приеду в больницу – только найду с кем Натку оставить...

– Да не волнуйтесь, Нина Александровна, обо мне позаботятся, – прошептала Домна, устало прикрывая глаза, и Нина поняла, что ее силы совсем на исходе.

Услышав рассказ Нины, Беяна ужаснулась, всплеснула руками и тут же забрала Натку к себе, а Нина поехала в больницу.

Положение Домны было тяжелым. На следующий день ей сделали операцию и надели гипсовый корсет, уложив в кровать, неподвижную, беспомощную, на неопределенное время. Нина понимала: не исключено, что Домна никогда не сможет встать на ноги. Нина часто приезжала к Домне, неизменно поражаясь ее долготерпению: она никогда не жаловалась, безропотно сносила свое состояние. Через месяца три появилась призрачная надежда: Домна стала ощущать боль – возвращалась чувствительность. Через шесть месяцев она уже встала с постели и сделала первые мелкие семенящие шаги на негнущихся ногах. Врачи считали необыкновенным своим успехом и большой удачей для Домны то, что она смогла самостоятельно передвигаться. Скованность движений, невозможность согнуть спину, наклоняться превратили ее в глубокого инвалида, но она все же была спасена от вечной неподвижности.

Нина несколько заговаривала с Домной о возвращении домой. Но Домна каждый раз уходила от ответа, удивляя Нину, только в глазах у нее сквозили безнадежность и печаль. Однажды, когда Нина в очередной раз завела разговор о выписке, Домна с несвойственной ей решительностью произнесла:

– Нина Александровна! Я вас всех люблю, как родных. Но я к вам не вернусь. У вас семья, двое детей, работа... Я теперь не помощница, а обуза, большая обуза, за мной нужен уход... А вам хватит забот и без меня...

– Что вы говорите, Домна Ульяновна? Мы с Андреем не представляем жизни без вас... Вы для нас – родной человек.

Домна помолчала и сказала голосом, в котором слышались слезы:

– Спасибо, Нина Александровна, спасибо на добром слове. Это самые дорогие слова, что я слышала в жизни. Но я уже решила и через больницу договорилась: прямо отсюда уеду в инвалидный дом, что в деревне Барабой.

Нинины уговоры не подействовали: Домна осталась непреклонной в своем решении. Нина раз в месяц ездила к ней в Дом инвалидов. Домна семенила мелкими шажками по коридорам, ее фигура с неестественно прямой спиной мелькала на аллеях сада.

Домна радостно встречала Нину, расспрашивала обо всех, хотя и сетовала, что Нина тратит на нее время, которое могла бы отдать семье. Нина, в свою очередь, отметила, что Домна хорошо ладит с персоналом и другими обитателями дома, и была до некоторой степени за нее спокойна.

Нина неизменно спрашивала, что ей принести в следующий раз, но Домна ни о чем не просила, но однажды Нина услышала удивившую ее просьбу:

– Книгу сказок, большую...

Вспоминая годы, когда Домна жила с ними, Нина понимала, что это было, несмотря на все тяготы и заботы, самое беззаботное время в ее жизни. Кем была эта тихая незаметная терпеливая женщина? Как говорили в старину: добрый гений домашнего очага.

* * *

Нина с Наткой шли по узенькой улочке дачного поселка к трамвайной остановке. Залитая утренним солнцем, она сегодня была совсем иная, незнакомая: поломанные ветки, сдвинутые потоками воды с привычных мест камни, промытые дождем новые ложбинки. Там, где поперек тропинки лежали особенно большие ветки, Нина подхватывала Натку подмышки и переставляла ее на другую сторону преграды.

Трамвай в направлении города был полупустым – кто едет в город в воскресенье? Разговор был общий, все обменивались впечатлениями прошлой ночи, охотно делились пережитыми страхами, у каждого была история своего чудесного спасения. Трамвай шел медленно, часто останавливался перед группами людей, которые убирали с рельсов обломки ветвей, а местами

даже распиливали вырванные с корнем деревья. Удивительно, но никто никуда не спешил, не выражал недовольства – на этот раз поездка в трамвае воспринималась как приключение, и после ураганной ночи все было новым и прекрасным.

Когда Нина подошла к своему кварталу, она вскрикнула и побежала с Наткой изо всех сил к дому. Он, их дом, стоял на углу двух улиц и был несколько сдвинут вглубь квартала, и напоминал своей формой уют; перед ним как бы образовалась небольшая площадь, с внешней стороны окаймленная акациями. Самая старая, сломанная ураганом, лежала поперек угловой площадки, и ее ветки целиком укрывали балкон второго этажа, их балкон, и доходили до третьего.

Нина остановилась и присмотрелась: стекла в балконной двери и в окнах были целыми. Она сразу же успокоилась: ничего не нужно было немедленно предпринимать. Теперь можно было пожалеть и старую акацию, так щедро каждый май обсыпанную белыми гроздьями. Их медвяный томительный аромат проникал в комнаты, заставляя вечером выходить на балкон и подолгу оставаться в бездействии, наслаждаясь этим весенним чудом. Сейчас без старой раскидистой акации их угол оголялся – она создавала уютную обособленность от улицы.

– Ее можно починить? – спросила Натка.

– Акацию? Нет, нельзя, – Нина вздохнула: – Посадят новую, только она вырастет не скоро, такой большой она станет через много лет, акации растут медленно.

– Через сколько лет? – Натка хотела знать точно, ей нужен был знакомый устойчивый мир вокруг.

Нина еще раз вздохнула и посмотрела на Натку:

– Ты уже будешь совсем большая... Нет, уже взрослой... Может быть, к тому времени у тебя будет уже своя девочка, которая станет задавать тебе вопросы...

Нина еще раз оглядела дом, в котором жила около двадцати лет, и он уже в который раз удивил ее. Он был причудлив и монументален. Оба входа в него были украшены кариатидами. Они же, кариатиды, стояли и на балконах, поддерживая своми согбенными плечами балконы следующего этажа. Угловой балкон второго этажа парил на спине дракона, чьи крылья как бы

охватывали его со всех сторон. Огромные окна всех четырех этажей украшали лепные гирлянды цветов, фруктов и еще каких-то орнаментальных завитушек, причем на каждом этаже был свой рисунок. Особенно изукрашена была угловая часть фасада. Ее венчали две четырехгранные башенки, между которыми располагалась окружность, в которой, в свою очередь, размещался орел – его распахнутые крылья опирались на эту окружность. Все было пышным и претенциозным.

Но это был ее дом... Здесь они с Андреем были счастливы, строили, как могли, свою жизнь, быт, здесь родились их дети, здесь, в квартире, а не в родильном доме. Нина с тоской вспоминала тесные темные квартирки, в которых ютились ее родители с детьми, надеясь, что со временем им повезет, и все переменится. Только привязанность друг к другу, терпение и надежда... неизбывная надежда помогали избегать ссор и чувства ущербности. Нине в этих квартирах всегда не хватало солнца, света. Вот тогда, наверное, у нее и появилось отвращение ко всяким шторам и гардинам, заслонявшим солнце. Когда она попадала в комнату с занавешенными окнами, у нее портилось настроение, и появлялось чувство удушья, нехватки воздуха.

Здесь же, в этом доме, жила ее самая близкая и любимая подруга Беяна. У Нины не было сестер; при всей душевной близости с братьями она не всем могла поделиться с ними. Нужна была родная женская душа. Матери и тети Стеши уже давно не было в живых. «Ушли в лучший мир?» – задалась вопросом Нина. Банальная фраза не несла утешения. Они обе были в душе, в сердце. Нина часто мысленно разговаривала с ними, как бы соразмеряя свои поступки с их мнением. Но Беяна была той отдушиной, где Нина всегда могла найти понимание, отклик и помощь. Хотя сегодня они обе в помощи не нуждались – были любимы мужьями, мамы здоровых детей. Чего еще желать? Спокойствия, уверенности? Об этом мечтали буквально все, но от них, рядовых людей, все это вовсе не зависело – песчинки в вихре бытия, и подчас жестокого бытия.

В квартире делать было нечего. Еще раз убедившись, что все в полном порядке, Нина собралась было уже обратно на дачу. Но тут раздался звонок, и в квартиру вбежал их управдом и сразу же затарахтел:

– Нина Александровна, как хорошо, что вы приехали. Снизу мы дерево никак не можем стащить, оно намертво зацепилось... Разрешите – рабочие поднимутся к вам и мигом распилят.

Пока двое рабочих с пилами орудовали на балконе, а рядом суетился управдом, правда, подавая время от времени дельные советы, а Натка возилась в своем углу с игрушками, которые были позабыты в городской квартире, и которым Натка как раз рассказывала, как хорошо на даче, Нина лениво размышляла. У управдома была странная фамилия – Кульгавик. У Нины эта удивительная фамилия вызывала какие-то ассоциации, связанные с хромотой. Но самым курьезным было то, что Кульгавик и был хромым – одна нога у него была заметно короче другой, и он передвигался, припадая на правую ногу, раскачиваясь из стороны в сторону, хотя временами, когда это было необходимо, достаточно быстро. Наметанным глазом врача окинув взглядом его фигуру, Нина решила, что это не увечье, а врожденный недостаток. «Так, может, у них в роду он не первый, а хромота наследственная, отсюда и фамилия? О чем это я думаю... Какие ненужные мысли лезут в голову», – и она вдруг, неожиданно для самой себя затосковала, захотелось немедленно, сюю минуту увидеть Андрея и Игорешку.

* * *

Беяна пекла торт. Торт был бело-розовый, пышный, многослойный, он был роскошный. Беяна была тоже белой, розовой, пышной, она была в полном смысле роскошной женщиной. Ее обожал муж Матюша, не сводивший с нее влюбленных глаз. Он любовался каждым ее движением – легким, широким, стремительным, но не резким, а удивительно пластичным. Любила ее и дочка Лида, для которой Беяна была и мамой, и подругой. Нина тоже любила ее – свою лучшую и единственную подругу, и искренне считала, что не любить Беяну невозможно. Даже маленькая Натка смотрела на нее с восторгом и удивлением, хотя и видела ее почти каждый день.

Семья Каротиных жила над ними, на третьем этаже, в такой же квартире, только жили в ней четыре семьи, а не две, как у них. Если имя человека, как пишут в каких-то эзотерических книгах,

которые Нина не читала, и даже избегала брать в руки, что имя человека напрямую связано с его судьбой, и даже временами определяет ее, то Изабелла – Белла – Беяна было наполнено полнозвучием стремительно бегущего ручья, легкими порывами ветра, шелестом виноградного листа. Беяна была солнечным человеком, добрым, отзывчивым, веселым и непосредственным, и Нине казалось, что иначе и нельзя называть ее.

А сейчас Беяна пекла торт на школьный вечер – Игорь вчера окончил восьмой класс, и без умолку болтала:

– Нина, слушай, Игорешка восьмой класс окончил, моя Лидка аттестат зрелости через неделю получит. А мы с тобой стареем, что ли?

И хотя об этом уже десятки раз было говорено, Нина спросила:

– Лида определилась окончательно?

– Да, в иняз, только уперлась – на немецкое отделение не пойду, только на английское. А на немецком-то как хорошо было бы – с дедом и бабой практиковалась бы, они оба немецкую школу окончили, там у себя в Галиции, в Черновицах.

И тут же переключилась на Натку:

– А у тебя тоже сегодня праздник – четыре с половиной, уже не маленькая. Давай и для тебя сделаем торт, а ну-ка помогай!

И Натка тут же с готовностью радостно ратопырила и так уже испачканные мукой пальцы.

«Черт! Что это со мной? – мысленно вздрогнула Нина, глядя на свою темноволосую кудрявую дочку, такую хорошенькую, непоседливую в своем еще по-детски неосознанном жадном стремлении узнать мир. – Полгода – это такой большой срок в ее маленькой жизни, каждые полгода она становится другой, – и, казнясь: – Господи, должна была бы помнить, а вспомнила Беяна». Превозмогая воскресную расслабленность, Нина сделала вид, что готова помогать. Но Беяна лишь рассмеялась:

– Сиди, лентяйка. К этому делу ты не приспособлена, подпирай медицину, – и с утрированным вздохом: – Это я – кура domestика...

– Ты хорошая, красивая кура, – сказала Нина и снова залюбовалась Беяной.

– А помнишь, когда мы въехали в этот дом, и тридцати нам не было. И мы с тобой в контрасте выигрывали, – вспоминала

Белла, оглядывая тоненькую воздушную фигурку Нины. – Я что – я просто красавица, а ты – экзотический цветок. Я взываю к грешной плоти, а ты будишь воображение.

– Что это мы с тобой собрались сегодня друг другу комплименты расточать? – начала было Нина, и тут в дверь постучали, и в комнату заглянула соседка Беяны Клара Ароновна:

– Девочки, бросьте все, бегите ко мне – какое-то важное сообщение по радио...

В комнате у Клары собрались все обитатели квартиры: Клара дочь с мужем, сын с женой, молодая пара – Гриша и Бетя Гуральники. Все сгрудились вокруг большого детекторного приемника, что стоял на тумбочке в углу, прикрытый вязаной салфеткой. Его передняя стенка была затянута бежевым шелком. Нина почему-то пристально рассматривала приемник, отметив, что часть шелковой шторки, прикрывающая динамик, была светлее. Она успела подумать, что звуковые колебания выбивают пыль. И тут прозвучали первые слова Молотова. Нина прижала к себе притихшую Натку и беззвучно, одними губами прошептала:

– Война... Сколько же лет нам выпало передышки – двадцать? Это если забыть финскую.

Слово уже было сказано, прозвучало, вошло в душу, и там что-то обрушилось. Беяна взяла Нину за руку, так они и простояли до конца передачи, что разом отрубилась их предшествующую жизнь с ее страхами и радостью свершений – «Маршем энтузиастов» и Соловками, Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой, Беломорканалом и покорением Северного полюса, тридцать седьмым годом и самым красивым в мире метрополитеном.

Клара Ароновна смотрела на сына Давида и молча плакала. Бетя крепко обняла Гришу, как будто могла удержать его рядом. Нина и Белла выскользнули в коридор и тоже заплакали.

– Ты видела? – шептала Белла. – Они уже прощаются со своими. Они уже отдали их войне. А нас что ждет?

Нина поцеловала Беяну, подхватила на руки Натку и побежала, всхлипывая, по лестнице. В гостиной стояли Андрей и Игорь. Нина обхватила их обоих руками, прижала к себе и отчаянно зарыдала, как рыдали в эту минуту десятки тысяч женщин, чья жизнь распадалась, ускользала, и никогда она уже

не будет прежней, которая была счастьем, если даже они этого и не знали. Натка молча протиснулась между ними и подняла вверх испуганную мордашку, готовая заплакать. Игорь осторожно взял ее на руки:

– Пойдем – сказки читаем.

Слово «сказки» успокаивало в этом вдруг ставшем беспокойным и непонятным мире.

Нина долго плакала, прижавшись к Андрею, он шептал бессмысленные слова утешения, тихо баюкая ее, как обиженного ребенка.

– Прости, – сказала Нина, – прости, что так раскисла, больше не буду. Никогда не буду, – уже со злостью добавила она.

В шесть часов вечера раздался звонок, и вошли Беяна с Матюшей. В руках у Беяны был торт. Она передала его Игорю и присела на диван рядом с лежащей Ниной.

– Вставай, – сказала она, – накрой стол, выпьем чаю, это последний вечер, когда мы все вместе, который еще хотя бы чуть-чуть принадлежит нам. Завтра начинается другая жизнь...

– Она уже началась. Где-то там, на границе, уже гибнут. Мой племянник Боря, Сонин сын, служит под Минском....

Вместе накрыли стол. Приготовили чай. И тут пришли старшие братья Нины – Александр и Илья. Молча присели к стулу, слова были не нужны. Нина разлила чай. Илья выглядел отрешенным, он как будто был уже не с ними. И тут Александр очнулся:

– По какому поводу торт?

– По поводу не состоявшегося у Игорешки школьного вечера.

Все медлили, боясь начать разговор, ради которого и собрались, продлевая последнюю минуту тишины.

– Ладно! О чем молчим? – начал самый экспансивный из всех, Александр. – Ясно же, что долго война не продлится. Еще один очередной приграничный конфликт – вспомните Монголию.

– Нет, сейчас все совсем иначе, – неторопливо начал Матюша. – Гитлер завоевал всю Европу, мы же знали, знали, – хлопнул он ладонью по столу, – что дойдет и до нас, и бодро себя обманывали, – он резко встал со стула. – А преследование евреев в Европе?.. Это не укладывается в голове, это невозможно, – уже с отчаянием говорил Матюша.

– Может, это преувеличение, слухи, контрагитация, – начал было Андрей.

– Нет, – Матюша горько усмехнулся, – вы далеки, это, к счастью, не касается вас. А мы, евреи, пытаемся отслеживать ситуацию, собираем слухи, да, Андрей, слухи, письма оттуда, анализируем. Илья, ты что молчишь? Ты единственный среди нас, кто воевал...

– Потому и молчу, – махнул рукой Илья. – Мне достаточно тех четырех лет, что я просидел в окопах мировой, думал, что на всю жизнь, а оказалось, еще до конца не добрал. Вы не видели или почти не видели – это счастье. Все разговоры о том, как должно быть, – пустое, там в грязи и крови остается человек один, и смерть всегда рядом.

А в уме пронеслось: «Кровь и страх, кровь и грязь. Бессмыслица планов и приказов. Утром оставляли хутор, за который вчера уложили сотню жизней». И, не отдавая отчета, что говорит вслух, произнес:

– Тогда было – за царя и Отечество, а сейчас – за Родину и за кого там еще?

– Тише, что говоришь? – Андрей вскочил.

Беяна закричала и тут же перешла на шепот:

– Андрюша, ты что, кому-то из нас не веришь? Ведь ближе у нас у всех никого нет! И сколько лет...

– Простите, все простите меня, страх еще с тех пор, когда мы по полночи стояли в темноте за занавесками и смотрели, к какому дому подъезжает воронка... А сколько, по-вашему, эта война может длиться? Месяц, два?

Нина, до сих пор молчавшая, с отчаянно-издевательской ноткой в голосе в разбивочку произнесла:

– Как там? «Малой кровью – единым ударом»... Перестаньте наивничать и закрывать глаза, вспомните историю: поляки под Костромой, шведы под Полтавой, Наполеон в Москве... Чудес не бывает, история повторяется – победим когда-нибудь, большой кровью... – и устало прикрыла глаза. – Не дай Бог, и на тебя, Игорек, хватит!

Александр и Илья вышли на балкон и закурили, Игорь вышел следом. Илья протянул ему, как взрослому, портсигар и сказал:

– Начинай, учись, небось в окопе пригодится.

Дюссельдорф